

Юрий ДЕНИСОВ

Аграрная политика Н. Хрущева: итоги и уроки

Кто прячет прошлое ревниво,
Тот вряд ли с будущим в ладу.

А. Твардовский

Освобождение страны от ига тоталитарного единомыслия создает богатые возможности для освещения и глубокого анализа того сложного периода развития сельского хозяйства, который связан с именем Н. Хрущева. К тому же проблема, обозначенная в названии статьи, в исторической литературе почти не рассматривалась, если не считать те редкие публикации, которые затрагивали лишь некоторые конкретные аспекты аграрной политики Хрущева, однако не содержали объяснений многочисленных ее противоречий, а главное, обходили молчанием исторические уроки этой политики¹. В данной статье я попытаюсь восполнить существующий пробел.

Если взглянуть на индексы развития сельскохозяйственного производства в СССР в 1949—1963 годы, т. е. в период с момента восстановления довоенного уровня и до кануна отправки Хрущева на пенсию, отчетливо бросаются в глаза три этапа в динамике этих показателей. Первый — 1949—1953 годы, когда сельское хозяйство росло чрезвычайно медленно. Второй этап — 1954—1958 годы, когда кривая роста сельскохозяйственного производства круто взметнулась вверх. И, наконец, третий этап — 1959—1963 годы, когда динамика сельскохозяйственного производства вновь стала вялой².

Правомерен вопрос: а допустимо ли верить советским статистическим сборникам по сельскому хозяйству и делать на их основе далеко идущие выводы? Мне представляется, что приведенные данные достоверны. Во-первых, в 1959—1975 годы я побывал во многих сельских районах важнейших типичных природно-экономических зон России, изучал положение в сельском хозяйстве в 1946—1970 годы в сильных, средних и слабых колхозах, беседовал с руководящими работниками этой отрасли центрального, областного, районного, колхозного уровня, с рядовыми колхозниками. Кроме того, я в 1953—1959 годы работал в сельском районе Воронежской области. Все факты, полученные тогда в результате непосредственных наблюдений достаточно репрезентативных объектов, рисуют картину, в целом соответствующую данным статистических сборников. Во-вторых, на некоторые из этих данных ссылались видные ученые-экономисты уже в период перестройки. В-третьих, если бы брежневское руководство, заинтересованное в принижении успехов сельского хозяйства при Хрущеве в 1954—1958 годах и возвеличении предшествовавшего сталинского периода, имело статистические материалы по сельскому хозяйству, опровергающие сведения, появившиеся в хрущевский период, оно обязательно воспользовалось бы ими.

Денисов Ю. П. — доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории Ростовского государственного университета.

¹ См. «Вопросы истории КПСС», 1988, № 9; Москаленко С. Г. Эволюция аграрной концепции Н. С. Хрущева (1953—1964). Автореферат кандидатской диссертации. Ростов-на-Дону, 1992; В е р б и ц к а я О. М. Российское крестьянство от Сталина к Хрущеву: середина 40-х — начало 60-х годов. М., 1992.

² См. Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971, с. 34.

Итак, три пятилетки и соответствующие им три динамики. Последние не были случайными, порождаемыми капризами погоды: за пятилетие колебания, вызванные погодными условиями, взаимно погашаются. На развитие производительных сил на каждом из указанных этапов решающим образом влияли принципиально отличающиеся друг от друга аграрные политики: сталинская, базирующаяся на трех китах — безудержном администрировании, мощном налоговом прессе, удушении личного подсобного хозяйства всеми возможными способами; хрущевская (1954—1958), ознаменовавшая попытку внедрения первых элементов экономического стимулирования, известного расширения прав колхозов, поощрения личного подсобного хозяйства; хрущевская (1959—1963), характеризовавшаяся частичным рецидивом сталинских методов. Сравнительный анализ указанных этапов позволяет извлечь ряд уроков.

Первый из них — урок правды. Этот урок имеет несколько аспектов.

Прежде всего исторический опыт свидетельствует, что между регрессом сельского хозяйства и благодушными, восторженными оценками его мнимых успехов всегда существовала тесная, многоканальная, постоянно возобновляемая связь. В 1949—1953 годы сельское хозяйство находилось в тяжелом состоянии. Между тем даже в сентябре 1952 года, когда статистические данные за ряд лет свидетельствовали, что отставание сельского хозяйства приобретает хронический характер, И. Сталин утверждал, что в стране налицо колоссальный рост сельскохозяйственного производства³. В октябре 1952 года на XIX съезде партии Г. Маленков торжественно провозгласил, что зерновая проблема в СССР решена окончательно и бесповоротно⁴. Это было, по свидетельству Хрущева, не чем иным, как очковтирательством, обманом партии и народа⁵. Впрочем, немалая часть партии была сама «обманываться рада». Приятно было закрывать глаза на отвратительную действительность и баюкать себя сказками о процветании колхозов.

Сталинизм не мог жить иначе, как во лжи. Но, пожалуй, ни в одной области экономики ложь не была такой омерзительной, как в аграрной сфере. Действительность начала 50-х годов — это нищие колхозы с их «трудоднем пустопорожним и трудоночью не полней», это голод в некоторых районах Нечерноземья, это очереди за хлебом в городах. И на этом фоне слащавые, сусальные, побивавшие все рекорды фарисейства заявления Сталина и его окружения о гигантских успехах сельского хозяйства были издательством над здравым смыслом, демонстрацией превращения страны в королевство кривых зеркал, полной неспособностью руководства СССР предпринять что-то для улучшения положения.

Исторический опыт убеждает также, что отказ от страусовой политики, умение хотя бы отчасти взглянуть в глаза суровой правде являются безусловной предпосылкой выработки программы в сельском хозяйстве, содержащей элементы реалистического, трезвого подхода к решению его проблем. Во многом благодаря тому, что Хрущев на сентябрьском (1953) пленуме ЦК дал относительно смелую для того времени, острую оценку положения в сельском хозяйстве, стал возможен новый курс аграрной политики в 1953—1958 годах.

Наконец, исторический опыт показывает, что понимание правды нельзя суживать лишь до критики недостатков, пусть и довольно суровой. Наметившееся в 1959—1963 годы снижение темпов роста сельскохозяйственного производства не прошло незамеченным для Хрущева. Он метался по стране, с гневом, со всей страстью своей кипучей натуры распекал руководителей республик, областей, районов, требовал преодолеть отставание, давал множество конкретных указаний по вопросам технологии сельскохозяйственного производства. Правда, в его речах 1963—1964 годов появились и некоторые новые подходы к аграрной политике. Но он не сделал и не смог сделать самого главного — не вскрыл глубинных причин отставания сельского хозяйства, связанных с наличием командно-административной системы, тоталитарной политической структуры, и не дал самокритичного анализа тому повороту к старому, который он сам осуществил в конце 50-х годов. А без этого надеяться на прогресс в развитии производительных сил было трудно. Впрочем, здесь была не столько вина, сколько беда Хрущева.

Нельзя сказать, что политические лидеры России первой половины 90-х годов вообще не учитывали урока правды. Критики состояния сельского хозяйства было более чем достаточно. Но нынешние вожди так же, как Хрущев, не самокритичны и так же, как он в начале 60-х годов, не сумели выработать реалистической аграрной программы. Мы не слышали от них самокритики за то, что экономическую реформу не начали, как в Китае, с подъема сельского хозяйства, за то, что тоталитарная косность в аграрной сфере была заменена на авантюристическое прожектерство и ультрареволюционные скачки, вследствие чего вместо бессмысленных,

³ См. Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952, с. 211.

⁴ См. Маленков Г. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). М., 1952, с. 48.

⁵ См. Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 3. М., 1962, с. 345-346.

как в бездонную бочку, денежных вливания в сельское хозяйство по принципу «всем сестрам по серьгам» было решено вообще отказаться от его государственной поддержки.

Голое отрицание, стремление не разумно преобразовать, а просто поскорее отбросить все, что было в экономике и организации сельского хозяйства в эпоху тоталитаризма, отомстило за себя, обернулось крупными провалами в аграрной сфере. Вообще при всех весьма существенных различиях у лидеров первой половины 90-х годов в области аграрной политики есть нечто общее с Хрущевым первой половины 60-х годов: «революционное» нетерпение и поверхностность оценок (конечно, это проявлялось у них в разных формах).

Второй урок касается командно-административной системы. Упования на то, будто все проблемы сельского хозяйства можно решить с помощью строжайшей централизации, регламентации колхозной жизни, ликвидации либо максимального ограничения хозяйственной самостоятельности колхозов всегда оказывались тщетными. И напротив, даже весьма скромное, относительное расширение хозяйственных прав колхозов незамедлительно оборачивалось определенным ускорением развития сельскохозяйственного производства.

В 1949—1953 годы централизация руководства сельским хозяйством достигла апогея. Жизнь колхозов регулировалась Примерным уставом сельхозартели 1935 года, один из пунктов которого гласил, что артель принимает к точному исполнению планы сева, подъема паров, междурядной обработки, уборки, молотбы и зяблевой пахоты, а также государственный план развития животноводства⁶. Председатель колхоза был мучеником административно-командной системы, объектом произвола, бесконечных взысканий, угроз предать суду (нередко реализуемых), брани. Ни о какой самостоятельности, свободе выбора решений председатель, органы колхозного управления и думать не помышляли. Колхозы буквально задыхались от многочисленных предписаний. Плоды этих титанических усилий командно-административной системы, как показывают приведенные выше данные, были мизерными. Производительные силы сельского хозяйства наглядно демонстрировали, что насилие им противопоказано, что сельское хозяйство нельзя вести из-под палки.

Хрущев сумел осознать потребность в наделении колхозов хотя бы минимальными хозяйственными правами. Новый подход реализовывался по следующим направлениям. Прежде всего в 1953—1954 годах Хрущев стал настойчиво проводить линию на преодоление бюрократических методов руководства колхозами и совхозами, против бесконечных информации, запросов, телеграмм, совещаний, накатов, угроз, инструкций, директив, посылки многочисленных уполномоченных, часто не знающих сельского хозяйства. Он отмечал, что люди буквально стонут от такого стиля. Он высмеивал бюрократических чинуш, которые не нюхали земли, не работали в колхозах и совхозах, но охотно сочиняли наставления, как поднять урожай свеклы, в какое время проводить окот овец. «Горе тому граду, — цитировал Хрущев Салтыкова-Щедрина, — в котором начальник без расчета резолюциями сыплет»⁷.

Однако Хрущев понимал, что одной критикой бюрократических методов не обойтись, что они в немалой степени обусловлены существующими юридическими нормами планирования. И вот в марте 1955 года в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР делается принципиально важный вывод: система планирования сельского хозяйства с чрезмерной централизацией и большим количеством показателей, установленных для колхозов, МТС и совхозов, не вызывалась государственной необходимостью. Более того, она сковывала инициативу колхозов и совхозов, приводила к шаблону, к нерациональному ведению хозяйства. До сельскохозяйственных предприятий должны доводиться не планы посевов по культурам, не количество поголовья скота по видам, а лишь планы заготовок продуктов полеводства и животноводства⁸.

Безусловно, с высот сегодняшнего дня этот вывод может показаться несущественным. Мы все крепки задним умом, и сейчас, в середине 90-х годов, нам всем ясно, что подлинные кооперативы должны сами распоряжаться своей продукцией, сами решать, кому и по каким ценам ее продавать. Но 40 лет назад попытка определять для колхозов не площади посевов, не количество и структуру поголовья, а планы закупок выглядела революционной, ибо опрокидывала некоторые догмы, господствовавшие в теории и практике десятилетиями.

В марте 1956 года был сделан еще один шаг. Колхозам было предоставлено право самим дополнять и изменять отдельные положения принятого сельскохозяйственной артелью устава с учетом местных,

⁶ См. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. М., 1967, с. 522.

⁷ Хрущев Н. С. Указ. соч. Т. 1. М., 1962, с. 175.

⁸ См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Изд. 8-е. Т. 7. М., 1971, с. 52—53, 55.

конкретных условий⁹. Правда, принятие постановлений по этим вопросам было не равнозначно их осуществлению. Но все же некоторые элементы хозяйственной самостоятельности у колхозов и совхозов в 1953—1958 годы появились, и это тотчас же благоприятно отразилось на росте сельскохозяйственного производства.

Но с конца 50-х годов и особенно с весны 1962 года Хрущев круто изменил курс. На мартовском (1962) пленуме ЦК КПСС он сформулировал по существу новую линию в отношении колхозов и совхозов, которая на практике была не чем иным, как возрождением в измененных формах методов силового давления на колхозы. Формально постановления 1953—1956 годов не отменялись, фактически же на них ставился крест. Логика рассуждений Хрущева была такой: в колхозах и совхозах сложилась своего рода автономия, сельское хозяйство стало неуправляемым. Такое положение объяснялось тем, что некоторые работники неправильно поняли сущность кооперативной формы хозяйства, полагая, что поскольку колхоз — кооперативное предприятие, нельзя вмешиваться в его деятельность. Между тем строить отношения кооперации и государства на принципе невмешательства нельзя, потому что от успешной работы колхозов в зависит благосостояние народа, а также потому что государство оказывает колхозам финансовую помощь (предоставляет им кредиты на льготных условиях, нередко списывает им долги, не допускает их банкротства).

Все беды колхозов идут, считал Хрущев, от невмешательства государственных органов. Именно поэтому многие руководители плохо организуют производство, пуская его на самотек, колхозники следуют не научным рекомендациям, не экономическому расчету, а дедовским традициям. Отсюда следовали выводы: создать колхозно-совхозные производственные управления со штатом инспекторов, покончить с «упрощенным пониманием» нового порядка планирования как отказа от вмешательства в планирование колхозного и совхозного производства¹⁰.

Нетрудно видеть, что здесь все было поставлено с ног на голову и в характеристике ситуации, и в ее объяснении, и в практических предложениях. Зародыши самостоятельности колхозов в 1953 году объявлялись стихией. Элементы кооперативной природы колхозов (и без того весьма слабые) игнорировались, по сути дела, отстаивалась сталинская концепция «огосударствления» колхозов, грубого, бесцеремонного попранья их прав под лозунгом о недопустимости невмешательства. Неправильное ведение хозяйства, плохое использование земли объяснялись не господством командно-административных методов, а их отсутствием. Вся вина за многочисленные трудности сельскохозяйственного производства вновь — в чисто сталинском духе — вваливалась целиком на плечи руководителей сельскохозяйственных предприятий. Вместо сокращения аппарата управления сельским хозяйством планировался его чудовищный рост.

Естественно, возникает вопрос: что же произошло? Почему из относительно прогрессивного реформатора 1953—1958 годов Хрущев превратился в начале 60-х годов в яростного защитника командно-административной системы? Где истоки этого феномена? Не претендуя на полноту, назовем некоторые из них. Прежде всего Хрущев был сыном своего времени. Как политический деятель он формировался в основном в эпоху расцвета культа личности. Он работал под непосредственным руководством Сталина и, естественно, привык к методам и стилю управления периода культа личности. Хрущев пытался отказаться от этих методов, но прежние взгляды, стереотипы поведения часто неосознанно, подспудно жили в нем, мешали мыслить широко, творчески. Велико было его нетерпение, огромна вера в силу приказа, лозунга, декрета, резолюции, во всемогущую силу аппарата, в его кадры, которые «решают все».

Однако это само по себе еще ничего не объясняет. Ведь Хрущев не был свободен от пережитков старого и в 1953—1958 годах. Но тогда они не мешали ему начать частичную ломку изживших себя порядков. Административно-волевой подход к руководству сельским хозяйством стал брать в Хрущеве верх в конце 50-х — начале 60-х годов под влиянием изменившихся условий. К этому времени бюрократия оправилась от нанесенных ей сравнительно слабых ударов, набрала силу и стала предпринимать все возможное для усиления давления на Хрущева. Последний не проявил нужной в такой ситуации железной воли, твердости и последовательности в осуществлении курса, начатого в сентябре 1953 года. Субъективно Хрущев был предрасположен к тому, чтобы уступить этому давлению и вернуться к прежней практике управления.

На изменение позиций Хрущева повлияло и начавшееся в 1959—1961-е годы падение темпов сельскохозяйственного производства. Как это сейчас ни удивительно, Хрущев воспринял такую тенденцию не как доказательство живучести командно-бюрократических методов, их полной несостоятельности, не как свидетельство необходимости углубления преобразований, а, напротив, как подтверждение

⁹ Там же, с. 187.

¹⁰ См. Хрущев Н. С. Указ. соч. Т. 6. М., 1963, с. 403-412.

дение требования бюрократии отказаться от них. Он считал падение темпов симптомом того, что в созидании нового пошли слишком далеко, что колхозы «распустились», на них нет никакой управы. А отсюда пришло убеждение: единственный способ придать экономике «второе дыхание» состоит в «завинчивании гаек». Такой вывод находился в вопиющем противоречии с реальными итогами 1953—1958 годов, однако он был сделан.

Наконец, сказалось, видимо, еще одно обстоятельство. Наделение колхозов определенными правами, начатое без одновременного коренного преобразования всей системы производственных отношений, всего хозяйственного механизма, естественно, привело к определенному росту иждивенческих настроений. Иной раз при утверждении планов брали верх узкогрупповые интересы колхозников. Так, в Тбилисском районе Краснодарского края ряд колхозов за счет других необходимых культур значительно расширил посевы подсолнечника. На этом настояла часть колхозников из довольно простых побуждений: получать семечки на трудодни и торговать ими в крупных городах вплоть до Урала¹¹. Хрущеву казалось, что надежный, простой и быстрый способ преодоления подобных явлений — всемерное усиление государственного аппарата.

С организацией производственных управлений сельского хозяйства над колхозами и совхозами был создан новый гигантский бюрократический слой. Ободренный призывом Хрущева покончить с неуправляемостью сельского хозяйства он буквально сковал колхозы и совхозы по рукам и ногам. Это не только не дало положительного экономического эффекта, но, напротив, нанесло сельскому хозяйству страшный удар, облегчив тем самым консервативным силам свержение Хрущева.

Урок о недопустимости командования сельским хозяйством современным политическим руководством страны как будто учтен. Коллективные хозяйства теперь вправе сами решать, что, кому, сколько продавать, что, у кого и сколько купить. И уж тем более, что и сколько сеять, какой скот и сколько содержать, какие технологии применять и т. д. И все же возникают вопросы: почему хотя коллективные хозяйства самостоятельны, а толку до сих пор нет, и, более того, сельскому хозяйству грозит катастрофа? Уж не следует ли искать спасения в возврате к прежней системе?

Дело, однако, в другом. Во-первых, взятый сам по себе, вне связи с другими шагами рычаг самостоятельности не может стать действенным. В стране нет цивилизованного рынка. Перерабатывающая промышленность, многочисленные посредники обдирают бывшие колхозы и совхозы как липку. На пути к рынку в городах нередко стоят рэкетеры. Товарный обмен города и деревни становится все более неэквивалентным. Одной самостоятельностью сыт не будешь... Во-вторых, права, предоставленные коллективам, нередко узурпированы бывшими хозяйственными руководителями. В-третьих, наделяя коллективы широкой самостоятельностью, нельзя переходить грань, за которой начинается анархия. И бывшие колхозы, и бывшие совхозы обязаны действовать в рамках общероссийских законов, президентских указов. По некоторым вопросам их нет, по другим — слишком много и они противоречат друг другу. Но особенно опасно, что их сплошь и рядом не выполняют. Один иностранец, недавно побывавший в России, заметил, что главная причина всех ее бед — отсутствие проверки исполнения. Он «зрел в корень».

Третий урок связан с отношением к кооперативной собственности. Пренебрежительное отношение к данному типу собственности, тенденции к превращению ее в государственную находятся в противоречии с потребностями развития сельскохозяйственного производства. И наоборот, укрепление кооперативной собственности — источник развития производительных сил сельского хозяйства.

В сталинский период колхозная собственность рассматривалась как низшая, неполноценная, второсортная. До 1952 года такие взгляды на колхозную собственность господствовали главным образом в чисто практической сфере, прежде всего в налоговой политике и политике цен. В 1952 году Сталин решил поставить точки над «и»: дать практике более солидную теоретическую платформу и обосновать необходимость полного упразднения колхозной собственности в ближайший период (говорю «полного», потому что колхозная собственность тогда была во многом фиктивной, чисто формальной). Сталин заявил, что колхозная собственность уже начинает тормозить мощное развитие производительных сил страны, и задача состоит поэтому в постепенном, но неуклонном, без колебаний, превращении колхозной собственности в общенародную¹².

Хрущев в 1953 году занял по этому вопросу диаметрально противоположную позицию. В постановлении сентябрьского (1953) пленума ЦК КПСС было записано, что артельная форма колхозов является единственно правильной формой коллективного хозяйства на весь период социализма¹³. Сейчас нам ясны

¹¹ См. «Партийная жизнь», 1956, № 17, с. 29, 30.

¹² См. Сталин И. Указ. соч., с. 160—161, 220.

¹³ КПСС в резолюциях... Т. 6, с. 389.

недопустимая категоричность такого заявления, его односторонность, ограниченность, устарелость. Теперь большинство мыслящих людей осознают необходимость преобразования колхозов, не обладавших в условиях тоталитаризма некоторыми весьма существенными чертами кооператива, в действительно кооперативные хозяйства. Понятно также, что в деревне нужно постепенно, осторожно, без скачков и крутых поворотов создавать по мере созревания условий и накопления средств сильный фермерский сектор.

Но в 1953 году указанное положение сентябрьского пленума ЦК означало известную реабилитацию колхозной формы собственности, снятие нависшей над ней угрозы полного уничтожения. В этой связи интересно отметить, что нынешние ультрарадикальные демократы проповедают взгляды, в значительной мере совпадающие со сталинскими. Так же, как и Сталин, они считают колхозы оковами для развития производства. Разница лишь в том, что «великий корифей всех наук», в том числе экономической, в 1952 году предлагал сбросить эти оковы путем огосударствления колхозов, а некоторые современные преобразователи ратуют за роспуск колхозов и сплошную фермеризацию сельского хозяйства. Результат подобных авантюр в обоих случаях может быть только один — крах сельскохозяйственного производства. Сталин вел дело к этому, но не успел осуществить свою бредовую идею из-за кончины. Современные, оторванные от жизни начальники, претендующие на роль вершителей судеб сельского хозяйства, нанесли ему огромный ущерб.

Жизненность кооперативной формы хозяйствования доказана отчасти практикой нашей страны. Колхозы в СССР обладали, как уже говорилось, лишь отдельными признаками кооперативов. Но стоило Хрущеву дать таким хозяйствам некоторые права, позволить им несколько улучшить материальное положение колхозников, и это сразу (в 1953—1958 годы) отозвалось ростом производства. Подобный же процесс имел место и в 1965—1970 годы. Однако, действуя по принципу «нет пророков в своем отечестве», радикальные демократические мыслители не желают считаться с доводами исследователей, анализировавших развитие сельского хозяйства в 1953—1958 и 1965—1970 годах. Сторонники «фермеризации» исходят из того, что исторический опыт колхозного строительства в нашей стране действительно по преимуществу печальный, что страна имела массу хозяйств, являвших собой пример «безрукоего хозяйствования», влачивших жалкое существование.

Но, во-первых, это означает не то, что плоха кооперативная форма хозяйствования, а то, что она никогда не была по-настоящему самостоятельной кооперацией. Создайте условия для преобразования колхозов, поставьте людей в полную зависимость от результатов хозяйствования, дайте им самостоятельность, постройте колхозы на последовательно демократических основах, сделайте кооператоров хозяевами кооперативов, создайте для новых, настоящих кооперативов нормальные экономические условия, обеспечьте жесткую здоровую конкуренцию — и вы увидите, что многие кооперативы станут творить чудеса. Причем, вся эта работа будет только тогда успешной, когда ее поддержит честная, лучшая, передовая часть крестьянства. Нынешним ярым «приватизаторам» в деревне не в бровь, а в глаз бьет мудрая мысль А. Энгельгардта: «Мужики, ей богу, вовсе не так глупы — они только любят, чтобы настоящее дело было, а не так: пшик! брык! туда, сюда — и ничего нет»¹⁴.

Во-вторых, не следует, безусловно, продолжать практику бесконечного спасения безнадежно «лежащих» колхозов. По меткому выражению главы администрации г. Бежецка Тверской области В. Платова, в таких «вечно немощных» хозяйствах «формировались крестьяне с синдромом Емели, лежащего на печи: вот кабы печь сама пошла»¹⁵. Приспособиться к новым условиям хозяйствования эти «сидни», к тому же часто беспробудные пьяницы, не в состоянии. Банкротство таких хозяйств, справедливо замечает В. Платов, позволит работающей части крестьян отделиться от лодырей и безответственных людей и организовать в обновленный коллектив¹⁶. Подчеркнем, однако, что речь идет о колхозах, давно висящих на шее общества, а не о тех «без вины виноватых» хозяйствах, которых обзодолела во многом безрассудная экономическая политика в деревне последних лет.

В-третьих, нужно понять, что охаивание в средствах массовой информации кооперативной собственности в деревне, правовой беспредел, паралич власти, невыплаты колхозам гигантских сумм за поставленную государству продукцию породили в колхозах наплевательское отношение к общественной собственности, вопиющую бесхозяйственность, анархическое отношение к порядку и дисциплине. Необходимо срочно разработать и, главное, привести в действие законы, которые позволили бы пресечь массовый грабеж колхозного имущества.

¹⁴ Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем 1872—1887. М., 1987, с. 412.

¹⁵ Платов В. Ленивыми не рождаются. «Российская газета». 30 декабря 1994

¹⁶ Там же.

В-четвертых, в ряде регионов страны (например в Смоленской, Липецкой областях) сельскохозяйственные кооперативы добились в 1991—1994 годах неплохих результатов. И это в условиях нежизнеспособных цен на сельскохозяйственные машины, энергоносители, минеральные удобрения, в условиях огромной задолженности государства колхозам, произвола многочисленных посредников и т. д. А в республике Татарстан благодаря ее отказу от «шоковой терапии» результаты деятельности кооперативных хозяйств оказались еще лучшими. Вот что писал по этому поводу президент республики М. Шаймиев: «Мы не стали волевым методом распускать коллективные хозяйства. Прогрессивные формы ведения сельского хозяйства должны себя доказать на практике и постепенным естественным образом через рыночную конкуренцию вытеснить неэффективные формы. Благодаря нашей аграрной политике мы третий год получаем рекордный урожай, полностью обеспечивая население республики продуктами собственного производства»¹⁷.

В-пятых, есть и международный опыт, свидетельствующий в пользу кооперативов. В частности, эксперты БЭС признали самыми перспективными для Европы не фермерство, а коллективные, кооперативные формы в сельском хозяйстве, которые существуют на территории бывшей ГДР. Здесь 80% кооперативов остались крупными производствами и за два года даже при значительно меньшей технической оснащенности на гектар, чем у своих западных конкурентов, превзошли западногерманских фермеров по всем основным показателям и по качеству продукции¹⁸.

В 1958 году Хрущев назвал ошибочной по существу постановку вопроса о переводе колхозов на совхозную форму собственности. Он мотивировал это и тем, что колхозы — не чужеродное тело в социалистическом организме, и тем, что путь к коммунизму лежит через укрепление как общенародной, так и колхозной собственности, и тем, что колхозная форма соответствует ленинскому положению о необходимости управлять хозяйством на все более демократических основах. Хрущев осудил практику продажи колхозам машин, техники и горючего по более высоким розничным ценам, заявив, что подобная практика является отголоском неправильного отношения к колхозам как якобы неполноценным социалистическим предприятиям¹⁹. Тем не менее во второй половине 50-х — первой половине 60-х годов развернулся довольно бурный процесс превращения колхозов в совхозы. В 1956—1960 годы в совхозы было преобразовано 14 763 колхоза, в 1961 — 1965 годы — 6149²⁰.

В чем же здесь дело? Почему теоретические построения Хрущева по этому вопросу со второй половины 50-х годов стали разительно отличаться от его практической политики? Не было ли здесь лицемерия, когда за правильными словами стояли иные дела? Нет. Из записки Хрущева в президиум ЦК КПСС от 31 июля 1963 года явствует, что преобразование колхозов в совхозы осуществлялось под влиянием и давлением партийного и советского аппарата на местах. В своих записках в ЦК партийные и советские руководители доказывали, какой огромный эффект будет получен от преобразования колхозов в совхозы, утверждали, что на базе отстающих колхозов будут созданы крепкие хозяйства²¹. Поток таких записок был вызван бытующими в среде партийно-государственной бюрократии взглядами и настроениями. Во-первых, в массе практических работников аппарата продолжало жить отношение к колхозам как к неполноценной форме собственности. Во-вторых, нередко считалось, что колхоз — это нечто стихийное, разболтанное, неуправляемое. Многие работники полагали, что превращение колхозов в совхозы позволит укрепить дисциплину и порядок. В-третьих, бюрократический аппарат видел в элементах колхозной демократии известное препятствие для внедрения системы необсуждаемых приказов. При всей ограниченности, узости колхозного «самоуправления» оно подчас доставляло бюрократам дополнительные хлопоты. Партийных бюрократов крайне раздражало, что приходилось порой преодолевать сопротивление колхозных собраний, убеждать, а чаще всего уламывать колхозников. В совхозе, полагали чиновники, все это максимально упростится. Издал приказ — и все сразу пришло в стройное, согласованное, четко регламентированное инструкциями движение. Объективно выражая эту бюрократическую позицию, Хрущев в 1963 году в качестве достоинства совхозов назвал их лучшую управляемость²². В-четвертых, существовала слепая вера в совхоз как высшую форму организации сельскохозяйственного производства. Суждения части партийных и советских работников отличались максимальной простотой и прямолинейностью: раз

¹⁷ Шаймиев М. Свой шаг мы сделали. «Российская газета», 15 февраля 1995.

¹⁸ См. Степаненко О. Заграница защищает наши колхозы. «Правда», 17 ноября 1994.

¹⁹ См. Хрущев Н. С. Указ. соч. Т. 3, с. 67—71, 117—120, 127—129, 245.

²⁰ См. Тюрина А. П. Социально-экономическое развитие советской деревни. 1965—1980.

М., 1982, с. 145.

²¹ См. Хрущев Н. С. Указ. соч. Т. 8. М., 1964, с. 66.

²² Там же, с. 225.

совхозы — высшая форма, преобразование колхозов в совхозы двинет вперед сельское хозяйство. Одна иллюзия неизбежно порождает другую.

Хрущев не устоял перед этим мощным давлением. Не устоял еще и потому, что сам не был свободен от фетишизации совхозной формы. Он неоднократно высказывал мнение, что, не допуская противопоставления двух типов общественного хозяйства, нельзя ставить и знак равенства между ними. Совхозы, полагал Хрущев, — государственные предприятия с более высоким уровнем обобществления и организации производства. Они должны служить для колхозов примером более совершенного и культурного сельского хозяйства²³.

Жизнь принесла сторонникам преобразования колхозов в совхозы жестокое разочарование. В июле 1963 года Хрущев подвел некоторые итоги этой работы. Выяснилось, что из более чем трех тысяч новых совхозов, созданных на базе экономически слабых колхозов, многие работают убыточно. Только за 1961 — 1962 годы сумма убытков по этим совхозам составила 600 млн рублей. Более того, некоторые хозяйства стали производить меньше продукции, чем колхозы, на базе которых они были созданы. У бывших колхозников, ставших рабочими совхозов, несмотря на то что они начали получать зарплату, отношение к труду зачастую не изменилось к лучшему²⁴. К сожалению, констатация неудачи не стала основой для принципиального вывода о недопустимости перевода колхозов в совхозы. Хрущев объяснил причины бедственного положения новых хозяйств крайне поверхностно, свел их к чисто субъективному фактору. С его точки зрения, все дело в том, что партийные и советские организации забыли осуществить систему мер, которую они сами намечали при подготовке реорганизации²⁵.

История не знает сослагательного наклонения. Но все же попробуем чуть-чуть отступить от этого правила. Как пошло бы развитие страны и ее сельского хозяйства, если бы Хрущев в середине 50-х — начале 60-х годов приступил к осуществлению демократических реформ в политической сфере, пусть даже не столь глубоких, более постепенных, осторожных, медленных, чем горбачевские реформы 30 лет спустя?

Думается, свершись тогда определенные демократические преобразования в политической сфере, они не только не позволили бы отказаться в конце 50-х годов от реалистических элементов в аграрной политике, но, напротив, сделали бы аграрные реформы гораздо более глубокими. Если бы народ приобрел в конце 50-х — начале 60-х годов большее влияние на политику, в том числе на аграрную политику, никогда не было бы допущено движения вспять. В этом случае некоторые отрицательные черты Хрущева (склонность к хвастовству, невысокий культурно-теоретический уровень, переоценка роли субъективного фактора, неуважение к науке, канонизация марксистско-ленинских догм) не развились бы и не приобрели бы непомерного, ничем не ограниченного влияния на судьбы страны и ее сельского хозяйства. Более того, они были бы нейтрализованы, исправлены. Едиличные действия Хрущева субъективистского характера оказались бы попросту невозможными.

Заметим, что альтернатива известной демократизации страны не была совершенно утопичной. Некоторые предпосылки для ее реализации имелись. Во-первых, значительное влияние на людей оказали доклад Хрущева на XX съезде партии о культе личности, речь Хрущева и ряд выступлений на XXII съезде. Во-вторых, с 1961 года стала осуществляться система обновления партийных органов, что могло ослабить партийную бюрократию. В-третьих, в 1962 году была введена так называемая специализация партийных организаций, т. е. их деление на промышленные и сельские. Мера эта была довольно неуклюжая, породившая немало путаницы и неразберихи. Вместе с тем она таила в себе возможность стать шагом к созданию в стране двух партий. В-четвертых, может быть, это покажется странным, но некоторые возможности для демократических изменений в политическом устройстве открывала огромная, по сути дела, самодержавная власть, сосредоточенная в руках Хрущева как первого секретаря ЦК партии и председателя Совета Министров СССР. Стань Хрущев демократом по убеждениям, он, опираясь на эту власть, на привычку партийных и советских чиновников беспрекословно повиноваться, сумел бы многое совершить. Но противоречивость ситуации состояла в том, что эта же неограниченная власть одновременно разлагала Хрущева, толкала его на произвол, на подчас нелепые решения, мешала зарождению и росту в нем демократических настроений.

Демократ в Хрущеве, к сожалению, не взял верх. Ни он, ни страна тогда еще не дозрели до демократии.

²³ См. Хрущев Н. С. Указ. соч. Т. 3, с. 71, 128.

²⁴ См. Хрущев Н. С. Указ. соч. Т. 8, с. 66.

²⁵ См. там же.